

Философские науки

УДК: 141

И.В. Дёмин

Дёмин Илья Вячеславович, кандидат философских наук, доцент Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, ул. Московское шоссе, 34), ilyadem83@yandex.ru

ЛОГИКА ОБРАЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГЕНРИХА РИККЕРТА*

Анализируется философско-историческая концепция Риккерта. Выявляются трудности и противоречия, с которыми сталкивается эта концепция.

Ключевые слова: философия истории, история, методология истории, Риккерт, индивидуализирующий метод, аксиология, ценность.

I.V. Demin

Demin Ilya Vjacheslavovich, PhD, Associate Professor, Samara national research university of the academician S.P. Korolev (34, Moskovskoe shosse St., Samara), ilyadem83@yandex.ru

THE LOGIC OF THE FORMATION OF HISTORICAL CONCEPTS IN HEINRICH RICKERT'S PHILOSOPHY

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-13-63001 «Философские основания семиотики истории» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 года).

The philosophical-historical concept of Rickert is analyzed. Contradictions of this concept are revealed.

Keywords: philosophy of history, history, methodology of history, Rickert, individualizing method, axiology, value.

Генрих Риккерт, наряду с Дильтеем, Шпенглером и Зиммелем, по праву считается одним из родоначальников неклассической философии истории. Общим знаменателем всех неклассических историософских концепций является критика спекулятивной философии истории гегелевского типа, однако мотивы и основания этой критики в различных философских направлениях неодинаковы [5, с. 12–36]. В рамках неокантианской философии именно Риккерт принадлежит заслуга разработки философского учения об истории, которое впоследствии будет названо «критической» философией истории [1].

К числу наиболее значимых и принципиальных моментов философии истории Риккерта следует отнести: 1) методологический номинализм; 2) единство логики и методологии, утверждение независимости методологии научного познания от онтологических (метафизических) предпосылок; 3) противопоставление двух способов понимания действительности – генерализирующего и индивидуализирующего; 4) конститутивный характер ценностей в историческом познании и историописании.

Рассмотрим подробнее каждый из этих аспектов.

1. В философско-исторической концепции Риккерта номинализм как *методологическая* установка не всегда отличается от номинализма как *онтологической* позиции. Одно дело констатировать, что историк работает с разрозненными (единичными) историческими свидетельствами и событиями, в ходе интерпретации которых он создает повествование о той или иной исторической целостности (такова позиция *методологического*

номинализма); и совсем другое дело – утверждать, что *в самом прошлом* никаких исторических целостностей *нет* (это позиция *онтологического* номинализма) и что историческая целостность – это *продукт историописания*. В последнем случае мы выходим за методологические пределы, обозначенные кантовским критицизмом, и выносим содержательные (метафизические) суждения об исторической реальности как «вещи-в-себе» (не имеет значения, что это суждение по своей форме является отрицательным, а не утвердительным).

Оставляя в стороне вопрос о том, возможен ли вообще номинализм как методологическая установка, независимая от каких-либо высказываний о действительности «самой по себе», отметим, что Риккертю явно не удастся удержаться в рамках *методологического* номинализма. Это проявляется, в частности, в следующем фрагменте: «Существуют вообще лишь индивидуальные, а никоим образом не общие объекты, существует лишь единичное (Einmaliges) и никогда не существует ничего, что бы в действительности повторялось – ввиду того, что истина эта, по-видимому, все еще часто забывается, ее не мешает вновь и вновь повторять» [8, с. 187]. Данный фрагмент свидетельствует о том, что логика образования понятий и методология научного познания в концепции Риккерта все же предполагают некие онтологические («метафизические») допущения, то есть опираются на суждения о «вещи-в-себе», о реальности самой по себе (номинализм – это *онтологическая позиция*, а не отсутствие таковой).

Если всерьез принять тезис онтологического номинализма (существует лишь индивидуальное), необходимо будет также согласиться с тем, что единственной подлинной наукой является история, которая выстраивает индивидуальные ряды событий и конструирует уникальные исторические целостности, и что *всякое* познание (в том числе и естественнонаучное) по своей природе является историческим. Именно к таким выводам придет Бенедетто Кроче [4].

2. Риккерт рассматривает логику как *учение о методе*, методологию научного познания. Риккерт понимает под историей индивидуализирующее описание действительности, а логика истории совпадает у него с прояснением специфики и установлением границ идеографического (индивидуализирующего) метода. Важно отметить, что возможности применения этого метода не зависят от «материальной» специфики изучаемого объекта. С помощью индивидуализирующего метода может изучаться не только «история», но и «природа». Уже в работе «Границы естественнонаучного образования понятий» (1896–1902) Риккерт различает четыре типа наук: 1) генерализирующие и не оценивающие (физика), 2) индивидуализирующие и не оценивающие (биология, геология), 3) генерализирующие и оценивающие (социология, экономика), 4) индивидуализирующие и оценивающие (история) [7]. «Как учение о методе, логика <...> имеет сначала дело лишь с формами мышления, и, только по выяснении этих форм, она может приступить к вопросу о применении их к различному материалу отдельных наук» [8, с. 185].

Примат логики над онтологией (метафизикой) обосновывается Риккертом следующим образом: «Уже одна та мысль, что исторические события суть простые “явления” лежащего за ними метафизического бытия, мало способна увеличить в глазах историка значение его работы. Скорее наоборот, она должна охладить весь его пыл» [8, с. 259]. Если в исторических явлениях мы будем видеть всего лишь *проявление* глубинных метафизических оснований (метафизического бытия, абсолютной реальности и т.д.), историческое познание утратит не только свою значимость, оно вообще окажется невозможным. Таким образом, критика метафизической историософии и отстаивание первенства логики над «метафизикой» проистекают из стремления обосновать необходимость эмпирического историописания.

3. Фундаментальное различие между генерализацией и индивидуализацией проводится Риккертом уже в рамках донаучного

понимания мира. На уровне научного познания оно трансформируется в различие двух *методов* познания.

Если главной задачей генерализирующего естествознания выступает обобщение, то конечной целью истории (историописания) становится *индивидуализация*, то есть изображение объекта во всей его целостности и уникальности. Историческая наука поэтому «не может пользоваться генерализирующим методом, ибо последний, игнорируя единичное как таковое и отвлекаясь от всего индивидуального, ведет к прямой логической противоположности того, к чему стремится история» [8, с. 191]. В этом смысле единство научного метода может быть восстановлено лишь тогда, когда историки перестанут заниматься историей [8, с. 193].

Риккерт особенно настаивает на том, что отождествление истории с индивидуализирующим описанием является сугубо логическим и *само по себе* еще не предполагает никаких «метафизических» допущений относительно природы исторической реальности [8, с. 191].

4. Следующим важным моментом в прояснении логической структуры исторического познания становится утверждение неразрывной связи между индивидуализирующим методом и *ценностями*.

Понятие ценности в философско-исторической концепции Риккерта имеет тройное значение. Во-первых, речь идет о ценностях самой исторической науки, задающих цели познавательной деятельности историка. Важнейшей из них является ценность *истины/объективности*. Стремление историка к объективности, с точки зрения Риккерта, не противоречит индивидуализирующему рассмотрению действительности. Во-вторых, под ценностями понимаются принципы (начала) самой исторической жизни, которые структурируют исторический универсум и придают ему целостность (эти ценности Риккерт называет «формальными», к ним относятся политические, эстетические, религиозные ценности и т.д.). Наконец, в-третьих, под ценностями понимаются цели и ориентиры, которыми

руководствовались в прошлом субъекты исторической деятельности (индивиды, народы, социальные группы).

В процессе индивидуализирующего понимания действительности мы не только представляем тот или иной объект, но также «ставим его в известного рода отношение к нашей воле», связываем его с нашими оценками [8, с. 203]. Способность видеть в объекте значимую для нас индивидуальность уже предполагает соотнесение этого объекта с ценностью (ценностями). Ценность является априорным условием дифференциации индивидуальностей.

Исторические объекты (целостности) конституируются благодаря соотнесению фактов с ценностями. Именно точка зрения ценности позволяет определять историческое как историческое (то есть *существенное*). «Связывание с ценностью, – пишет Риккерт, – составляет одну из самых существенных сторон исторического метода» [8, с. 206].

Ценности одновременно сообщают смысл историческому процессу и расчленяют, структурируют его. Уничтожение связи объекта с ценностью приводит к уничтожению также исторического интереса и самой истории [8, с. 206]. Вот почему историческое сознание с самого начала есть сознание *аксиологическое*, ценностно ориентированное.

Риккерт подчеркивает, что отнесение к ценности является *теоретической* и *логической* процедурой, которую следует отличать от *практического* акта оценки. «С логической точки зрения чисто теоретическое отнесение к ценности принципиально отличается от акта оценки и ничуть не противоречит научному познанию» [8, с. 208]. Отнесение к ценности логически предшествует положительной или отрицательной оценке (сначала *отнесение к ценности*, то есть *понимание значимости* объекта, потом – оценка). Предпосылкой всякой оценки является индивидуализирующее понимание действительности, возможность понимать действительность индивидуализирующим способом, а последнее предполагает процедуру отнесения к ценности. Данный аспект философско-исторической концепции

Риккерта неоднократно рассматривался и обсуждался в исследовательской литературе [9], поэтому нет смысла останавливаться на нем подробнее.

Сформулировав тезис о том, что ценности всякий раз уже включены в логическую структуру исторического (индивидуализирующего) познания, Риккерт вновь обращается к проблеме специфики *объекта* исторического исследования. Он пишет: «Потребность в индивидуализирующем понимании действительности должна прежде всего находиться там, где объекты теснее всего связаны с ценностями» [8, с. 214]. Область, в которой объекты теснее всего связаны с ценностями, – это *область культуры*. Оба региона действительности – природа и культура (история) – определяются Риккертом, исходя из понятия *ценности*: природа – это действительность, утратившая связь с ценностями, история – это действительность в ее неразрывной связи с ценностями.

Признавая известную правоту тезиса о том, что всякая история есть *история культуры*, Риккерт тем не менее настаивает, что главное в истории – то, что это *индивидуализирующее познание*, а не то, что это наука о духе или культуре. Последняя характеристика в логическом отношении является хотя и существенной, но все же *вторичной*. Тезис о том, что история занимается изучением духовно-душевных явлений, Риккерт считает ошибочным.

Философско-историческая концепция Риккерта основывается на постулировании универсальных и внеисторических ценностей. «Универсум ценностей не выводится из конкретных условий исторического развития, а как бы предлагается социальной жизни свыше как средство преодоления ее противоречий» [3, с. 52]. Сфера ценностей является «априорным условием исторического познания» [10, с. 336], ценности лишь *обнаруживаются* в истории, но сами они *внеисторичны*. Внеисторический характер ценностей у Риккерта является условием возможности индивидуализирующего понимания действительности и, следовательно, исторического познания.

Оставляя в стороне вопросы о том, насколько теория ценностей Риккерта действительно преодолевает «метафизику» (философию истории

гегелевского типа), избегая при этом релятивизма, отметим некоторые трудности и противоречия, с которыми сталкивается философско-историческая концепция Риккерта.

1. До конца непроясненным остается вопрос о том, что же является исходно историческим: *метод* науки или ее *материал*? С одной стороны, Риккерт подчеркивает *первичность* логического анализа исторического познания по сравнению со всеми рассуждениями о специфике исторической реальности и рассматривает «природу» и «культуру» как логические формы организации объекта познания. С другой стороны, тезис о первичности логики и вторичности «онтологии» в значительной мере остается декларативным, поскольку на определенном этапе исследования Риккерт *постулирует* различие между двумя типами объектов, тем самым возвращая привычное разделение действительности на два *онтологических региона* – «природу» и «культуру». Специфика объектов исторического познания по сравнению с объектами естественных наук в том, что они тесно связаны с ценностями. Так или иначе, разделение мира на культуру («значимую реальность») и природу (область повторяющихся процессов) не может быть всецело *выведено* из логического различения индивидуализирующего и генерализирующего методов. Формальных отличий в способе образования понятий недостаточно для конституирования двух типов познания.

2. Если всякая историческая целостность конструируется историком посредством соотнесения исторических фактов с ценностями, не означает ли это, что с изменением системы ценностей конфигурация исторических целостностей также будет меняться? Единственной возможностью избежать релятивизма становится постулирование универсальных внеисторических ценностей, задача систематизации которых приписывается философии. Однако нельзя не отметить, что соотношение таких политических ценностей, как, например, свобода и равенство (пусть даже мы признаем их универсальный характер), определяется *идеологией*, а не философией, и в контексте разных идеологий трактуется по-разному. Не следует ли из этого,

что историки, придерживающиеся различных идеологических позиций, станут структурировать политическую историю по-разному и, соответственно, будут иметь дело с разными фактами? Заметим, что именно к таким выводам придут представители нарративной философии, приняв перспективистскую точку зрения, согласно которой не существует правильного, «объективного» способа упорядочивания и структурирования исторических событий [2].

3. Какими ценностями должен руководствоваться историк в процессе индивидуализирующего описания исторических целостностей: ценностями эпохи, которую он изучает, или своими собственными? Может ли историк абстрагироваться от ценностей собственной культуры и всецело «погрузиться» в изучаемый период истории? В философско-исторической концепции Риккерта негласно допускается возможность разрешения противоречий между «ценностями прошлого» и «ценностями настоящего» путем сопоставления их с универсальной системой ценностей. Нельзя не заметить, что такое решение ставит историческое познание в полную зависимость от философии как теории ценностей.

4. Признавая необходимость идеи прогресса для философии истории, Риккерт навлекает на собственную философско-историческую концепцию те же упреки, которые неоднократно выдвигались в адрес гегелевской историософии. Как известно, историки упрекали Гегеля в том, что он обнаружил в истории не больше истин, чем сам же туда и привнес. Не сталкиваемся ли мы с аналогичной ситуацией и в философии Риккерта? Что нового может сообщить нам эмпирическое историописание по сравнению с философией вообще и философией истории в частности? Не превращаются ли исторические описания и исторические факты в простые иллюстрации априорных ценностей?

Все эти вопросы не находят однозначного решения в философско-исторической концепции Генриха Риккерта. Несмотря на это, необходимо отметить, что философия истории Риккерта стала одной из первых попыток

преодолеть ту модель философско-исторической рефлексии, наиболее ярким примером которой стала спекулятивная историософия Гегеля. Дистанцируясь от гегелевской метафизики, Риккерт стремился избежать двух крайностей в понимании истории: натурализма и историзма. Однако если натурализм действительно преодолевается постулированием двух несводимых друг к другу способов понимания действительности, то избежать исторического релятивизма Риккерту удастся только через возвращение к онтологической модели гегелевского типа.

Опыт философского осмысления истории в рамках неокантианства показывает, что логический анализ структуры исторического познания, даже дополненный философской теорией ценностей, не позволяет решить наиболее важные вопросы неклассической философии истории. Это ни в коей мере не умаляет заслуг Риккерта в деле разработки неклассической теории истории. Вся последующая философско-историческая мысль XX в. в значительной мере будет ориентироваться на задачи, сформулированные Риккертом. Представители таких направлений, как неогегельянство (Б. Кроче), философская герменевтика (Г.-Г. Гадамер), аналитическая философия (А. Данто), будут стремиться ответить на вопросы, которые были поставлены, но не решены в философии истории Риккерта.

Список используемой литературы:

1. *Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории. М.; СПб., 2000.
2. *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003.
3. *Губман Б.Л.* Смысл истории: Очерки современных западных концепций. М., 1991.
4. *Дёмин И.В.* Проблема соотношения истории и природы в историософских концепциях Кроче и Коллингвуда // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 1 (19).

5. *Дёмин И.В.* Философия истории в постметафизическом контексте. Самара, 2015.

6. *Марков Б.В.* Своеобразие исторического // Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1997.

7. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1997.

8. *Риккерт Г.* Философия жизни. Киев, 1998.

9. *Русакова О.Ф.* Неокантианская модель философии и методологии истории // Политический вектор-PRO. Комплексные проблемы современной политики. 2015. № 1.

10. *Сыров В.Н.* Расцвет и закат европейской философии истории (От Бэкона к Шпенглеру). Томск, 1997.